

Г. Г. Богомазов

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Давней традицией отечественной экономической науки является постановка по существу любого вопроса теории и практики хозяйствования таким образом, чтобы понять природу изучаемого процесса или явления, установить его истоки и проанализировать возможные варианты дальнейшей эволюции. Думается, именно с этих позиций следует подходить и к проблеме глобализации.

Поскольку этот процесс неоднозначен по своим политическим и социально-экономическим последствиям и в то же время затрагивает интересы всех стран, вот уже ряд лет по проблемам глобализации ведутся незатихающие дискуссии, в ходе которых высказываются такие мнения и оценки, которые носят, как правило, альтернативный характер. При этом ученые и политики, которые положительно оценивают данный процесс

обращают внимание на экономическую его составляющую. Однако выгоды и преимущества, на которые они указывают, носят вероятностный характер и обращены к отдаленному историческому будущему. Те же, кто негативно оценивают перспективы глобализации, не ограничиваются экономическими проблемами, а сосредоточивают внимание на вопросах мировоззренческого характера, судьбах национальных культур, исторически сложившихся традициях, развитии национального духа народов.

Впервые о глобализации стали говорить американцы. Этот термин употребил в своих работах Т. Левитта, охарактеризовав процесс слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями. Более широкое значение этому термину придали в Гарвардской школе бизнеса. Инициатива в данном случае принадлежала консультанту этой школы – японскому ученому К. Оме, опубликовавшему в 1990 г. книгу «Мир без границ». Он исходил из того, что мировая экономика определяется ныне взаимозависимостью трех центров – ЕС, США и Японии, и утверждал, что экономический национализм отдельных государств становится бессмысленным, ибо экономический климат на планете устанавливают «глобальные фирмы».

Многие ученые исходят из того, что процесс глобализации начался давно и в основе своей имеет чисто экономические причины. Так, например, глава французской исторической школы Ф. Бродель полагал: то, что сегодня понимают под глобализацией, является непосредственным продолжением интернационализации капитала, начавшейся еще в XVI–XVII вв. Философы нередко ссылаются на авторитет И. Канта, который в XVIII в. выдвинул идею вечного мира и перспективу образования единого мирового правительства. Б. Бади – профессор Парижского института политических исследований – также исходит из того, что глобализация развивается уже на протяжении многих столетий и

БОГОМАЗОВ

Геннадий Григорьевич

– д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой истории экономики и экономической мысли экономического факультета СПбГУ. Выпускник экономического факультета С.-Петербургского (Ленинградского) государственного университета 1963 г. Область научных интересов – история российской экономики, история отечественной экономической мысли. Опубликовано около 100 научных работ, в том числе 3 монографии.

неизбежно ведет к гомогенизации мира, т. е. к организации жизни всего человечества по единым принципам, к приверженности единым ценностям, установлению единых обычаев и норм поведения. Неизбежным следствием всего этого, считает Б. Бади, станет разрушение национального государственного суверенитета.

Вместе с тем Р. Буайе – один из разработчиков теории регуляции считает концепцию глобализации ошибочной, поскольку, как он полагает, новые феномены, возникшие в экономике в конце XX в., не укладываются в строгое понятие единопланетарности. Более подходящим определением современной жизни на планете он считает термин «запутанный порядок».

В любом случае все участники дискуссии, признающие глобализацию как реальное явление современной истории, исходят из того, что настоящий этап глобализации в большей или меньшей степени охватывает все сферы жизни мирового сообщества – экономику, политику, культуру, социальные отношения.

Ответ на вопрос о том, что такое глобализация и что она несет человечеству, важен, прежде всего, потому, что он дает ключ к пониманию современной эпохи в целом, а отсюда и к пониманию множества частных вопросов, касающихся современного мирохозяйственного порядка и места в нем нашей страны. Без этого невозможно строить грамотную и эффективную как внутреннюю, так и внешнюю государственную политику.

Представляется, что глобализация в основе своей – это, прежде всего, новая, более высокая ступень интернационализации хозяйственной жизни в планетарном масштабе, непосредственно связанная с углубляющимся общественным разделением труда, концентрацией и централизацией капитала на международном уровне и порождающая тенденцию к интернационализации множества других сторон жизни современного человечества. В глубинном ее понимании – это объективный и закономерный процесс, на который очевидное и далеко не всегда позитивное влияние оказывают факторы субъективного порядка, под которыми мы понимаем, прежде всего, идеологию и политику, направленные, с одной стороны, на его ускорение, а с другой – на замедление. Эти факторы связаны, в свою очередь, с такими общими по своему характеру явлениями, как тип цивилизации, уровень экономического развития страны или целого региона.

Известно, что и ныне в мире сохраняются два основных типа цивилизации – так называемые традиционные и европейской. И сегодня им присущи родовые черты. И если первые имеют весьма консервативный характер, ориентированы, прежде всего, на окружающий мир и стремятся сохранить его таким, каким он был и есть, то второй тип направлен в основном на человека, на постоянное изменение, преобразование природы и общества. В данном случае национальные традиции и национальный менталитет не проявляются столь ярко, как, скажем, в восточных странах, т. е. там, где господствуют традиционные цивилизации. В то же время в странах, которые относятся к европейской цивилизации, как правило, более развиты производительные силы, выше жизненный уровень населения, значительно выше уровень концентрации производства и капитала, вплоть до функционирования мощных транснациональных корпораций.

В силу вышесказанного есть основания судить о том, что, во-первых, носителями идеологии и практики глобализации являются наиболее развитые в экономическом отношении страны, а во-вторых, она является очевидным проявлением либеральной экономической идеологии.

Как нам представляется, последняя, в свою очередь, имеет принципиальную связь с так называемым либертарианством, своеобразной идеологией свободы человеческой личности. Определяя смысл либертарианства, один из его современных идеологов и пропагандистов Дэвид Боуз пишет, что «это убеждение в том, что каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает права других».¹

Своими корнями либертарианство уходит в философию «естественного права», т. е. права на жизнь, свободу и собственность, которым люди обладают изначально в связи с существованием государства, и последнее в качестве основного своего призвания должно неукоснительно исполнять функцию защиты этого права. Поскольку же современное государство, независимо от типа управления, явно не справляется с этой функцией, то либертарианцы и выдвигают в качестве основной задачи общества ограничение функций и роли правительств во всех областях жизни нации, и прежде всего экономической.

По мнению современных либертарианцев, их идеология своими истоками уходит в древний мир – Грецию, Израиль и еще раньше – в Китай. В связи с этим называют имя китайского философа, жившего в VI в. до нашей эры, – Лао-Цзы, известного своим сочинением «Дао Дэ Цзин. Книга о Пути и Силе», в которой он писал: «Народ, не получив ни от кого приказа, сам между собой уравниется». Однако первым настоящим либералом и отцом современного либерализма либертарианцы считают Джона Локка, опубликовавшего в 1690 г. великий, по их мнению, труд «Второй трактат о правлении», где утверждалось, что закон природы является вечным руководством для всех людей, в том числе и для правителей.

Вторым отцом либерализма считается Адам Смит, изложивший начала своих либеральных идей в труде «Теория нравственных чувств» и развивший их, перенеся в область экономической науки, в своей классической работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». С этого и началась истинная история экономического либерализма, хотя, видимо, неправомерно было бы забывать, что свой знаменитый лозунг «Laissez faire, laissez passer» Франсуа Кене сформулировал значительно раньше.

Впоследствии идеи экономического либерализма защищали такие авторитеты в экономической науке, как Дж. Ст. Милль, Ф. Бастиа, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, П. Самуэльсон, М. Фридман и многие другие. При этом некоторые из них оказывали реальное влияние на формирование государственной политики. Так, Фридрих фон Хайек консультировал Маргарет Тэтчер, а Милтон Фридман являлся советником Рональда Рейгана. Фредерик Бастиа, выступая как убежденный либерал, написал множество остроумных и язвительных статей, критикующих деятельность французского правительства. Например, в «Прошении фабрикантов свечей против конкуренции Солнца» он выступил от имени производителей свечей, просящих парламент перекрыть солнечный свет, что заставило бы людей пользоваться свечами и днем. Тем самым он высмеивал отечественных предпринимателей, стремившихся оградить себя от конкуренции.

Итак, несмотря на то, что глобализацию можно, очевидно, рассматривать как закономерный процесс, он не носит исключительно стихийного характера, и на его протекание сильное влияние оказывают различного рода факторы, в том числе институционального свойства. Как уже было сказано, часть из них действует в пользу глобализации и даже стимулирует ее, а другая оказывает противодействующее влияние и превращает его, по существу, в тенденцию.

Рассмотрим сначала факторы, которые способствуют развитию глобализации.

В качестве первого, хотя и не основного фактора, мы назвали бы активно разрабатываемую и пропагандируемую идею экономического либерализма, о которой только что вели речь.

Второй фактор – это углубляющийся процесс международного разделения труда. При этом, к сожалению, далеко не всегда ныне хозяйственная специализация отдельных стран определяется принципами теории **сравнительных** преимуществ, разработанной еще Д. Рикардо. Тем более что в его системе национальный капитал торгующей страны не покидал ее пределов. Сегодня же капитал необычайно подвижен, а его владельцы ставят перед собой задачу достижения **абсолютного** преимущества на рынках любых товаров и во всех странах мира.

Наиболее развитые страны и представляющие их на международной экономической арене транснациональные корпорации, по существу, эксплуатируют реально существующую закономерность, используя ее в своих корыстных интересах. Они целенаправленно стремятся к тому, чтобы за ними оставались производства с высокими технологиями, сохранялись ведущие направления научно-технического прогресса. И пока им это удается. Сегодня пятая часть государств мира распоряжается 84,7% мирового ВВП, на их долю приходится 84,2% мировой торговли и 85,5% сбережений на внутренних счетах. С 1960 г. по настоящее время разрыв между богатейшими и беднейшими странами более чем удвоился.²

Так называемые же нетитульные народы призваны сохранять свою как минимум относительную техническую отсталость, осуществлять производственную деятельность, связанную с «грязными» технологиями, выполнять функции сырьевых придатков и поставщиков дешевой рабочей силы. Именно такую тенденцию в развитии процесса глобализации мы и наблюдаем в современном мире.

В этой связи заметим, что идеологи глобализма, выделив народы стран Запада в особую группу, всех остальных подразделили на народы «второго сорта» и народы-изгои. Первые должны поставлять сырье, производить товары, являющиеся результатом «грязных производств», заниматься захоронением ядерных и химических отходов, являться источником дешевой рабочей силы. Вторые же – это так называемые внешние враги, существование которых должно сплачивать народы Запада. Кроме того, отношение к этим «отверженным» должно служить предупреждением для народов «второго сорта», которые должны знать, какая их ждет судьба в случае неисполнения той роли, которая им отведена.

Третий фактор – исключительно быстрое развитие таких инфраструктурных составляющих современной жизни, как система электронной коммуникации, средства космической связи, разнообразные виды транспорта, совершенствование системы почтовой связи и т. д. Например, электронные средства позволяют крупным фирмам работать в режиме *on line*, используя так называемые сетевые технологии, и привлекать таким образом наиболее крупных специалистов к своим разработкам из разных концов света. Это резко сокращает время проектирования и создания новых видов продукции, экономит производственные затраты и в то же время постоянно сокращает количество занятых на данной фирме сотрудников. В итоге, пишут Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, «занятие на всю жизнь уступает место случайной работе, и люди, еще вчера полагавшие, что карьера им гарантирована, обнаруживают, что их квалификация превратилась вдруг в бесполезные занятия».³

Четвертый фактор связан с усложнением и масштабностью современных экономических и технических проектов, требующих огромных финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов, осуществление которых подчас недоступно отдельным государствам, тем более в относительно короткие сроки. Это и освоение космоса, и строительство таких сетей, как нефтепроводы, газопроводы и т. д.

Пятый фактор – проблемы и угрозы, затрагивающие интересы всего человечества. Это проблемы экологии, глобального климата, масштабных стихийных бедствий, международного терроризма, криминальной экономики и др. Все это заставляет народы и правительства объединять свои усилия для решения данных проблем. Однако этот фактор, как и многие другие, носит противоречивый характер, он имеет и негативную сторону. Глобализация, приводящая к свободе передвижения капиталов, товаров и людей, активно используется представителями криминального бизнеса и террористами. Не случайно в последние годы международный терроризм получил такое широкое развитие и с ним так трудно бороться. Что же касается криминального бизнеса, то масштабы его деятельности на международных просторах не могут не поражать воображения. Так, по данным МВФ, под

сенью различных оффшорных зон, а они, как известно, являются порождением неолиберализма, сосредоточено свыше двух триллионов долларов «грязных денег», недоступных для стран их происхождения.

Шестой фактор – относительно свободная миграция рабочей силы, и не только в рамках межгосударственных экономических союзов, что опять-таки имеет двойственный эффект. С одной стороны, это является своеобразным залогом свободы человека, решает проблемы обеспеченности фирм и организаций необходимой рабочей силой, а с другой – неизбежно ведет к росту уровня безработицы, прежде всего, среди национальных рабочих. Правительства особенно малых стран, вступивших, скажем, в Евросоюз, это прекрасно понимают и пытаются хотя бы отсрочить обострение ситуации. Например, Финляндии удалось договориться о том, что она откроет свои границы для иностранных рабочих только в 2006 г.

Естественным следствием проявления вышеперечисленных факторов является, во-первых, формирование и развитие институтов мирового хозяйства. В данном случае речь идет, в частности, о многонациональных корпорациях, о разных международных экономических организациях, скажем, ВТО, о международных финансовых институтах, таких как Мировой банк, Международный банк реконструкции и развития, о различных фондах. Совершенствуется система международных расчетов, куда мы относим клиринговую торговлю, функционирование мировых или региональных валют, установление единых валют, все шире используются так называемые электронные деньги, и т. д.

Во-вторых, возникают региональные экономические и даже межгосударственные образования с согласованными параметрами экономической и правовой деятельности, наиболее ярким примером чего может служить Европейский Союз, который имеет теперь даже единую валюту, или, скажем, NAFTA – торговый союз между США, Канадой и Мексикой.

В-третьих, как все мы прекрасно знаем, происходит унификация процесса образования, главным образом в высшей школе, в рамках так называемого Болонского процесса, в который с осени 2003 г. включилась и Россия. С одной стороны, это открывает определенную возможность для студентов различных стран получать так называемое включенное или полное образование в университетах других государств, что само по себе не так и плохо. С другой же – очевиден тот факт, что преимущественной притягательностью обладают высшие учебные заведения наиболее богатых с экономической точки зрения стран, которые имеют возможность постоянно совершенствовать материальную базу учебного процесса, приглашать на преподавательскую работу наиболее квалифицированных ученых и т. д. Следствием этого, в свою очередь, является широкая возможность для этих стран отбирать для работы в своих фирмах, научных и образовательных учреждениях наиболее талантливых ученых и специалистов, и притом далеко не только тех, кто там учился, что, естественно, экономит ресурсы, направляемые на образовательную деятельность. Все это позволяет им и в дальнейшем поддерживать свое технологическое превосходство и конкурентоспособность на международной арене.

Таким образом, мы видим, что каждый из названных факторов имеет противоречивый характер и приводит к неоднозначным результатам.

Какие же можно выделить факторы, противостоящие процессу глобализации или хотя бы тормозящие его? Их, в общем-то, немного, но они весьма существенны.

Первое, о чем в данном случае можно говорить, – это серьезные различия в уровне экономического развития различных стран. Глобализация по природе своей, как уже говорилось, основывается на либеральной экономической идеологии и предполагает, к примеру, хоть и не безграничную, но все-таки свободу внешнеэкономической деятельности, и в частности свободу торговли. Но, как известно, это могут позволить себе лишь страны

как минимум со средним уровнем экономического развития, имеющие в своем экономическом арсенале конкурентоспособные отрасли. А если их нет или их слишком мало?

Недавний опыт Мексики показал, что такое либерализация в экономике и свобода торговли для страны с невысоким уровнем экономического развития. Вступление этой страны в NAFTA и либеральный курс правительства в целом привели к тому, что национальное производство не выдержало конкуренции и буквально рухнуло.

Но есть и другой пример – Япония, которая открыла для себя «принцип авианосца». Его смысл состоит в том, что страна устанавливает высокие пошлины и высокие требования к техническому уровню ввозимой продукции и тем самым блокирует импорт, защищая те отрасли национальной экономики, которые еще слабы, и одновременно поддерживает высокий уровень занятости своего населения. И, наоборот, японское правительство разнообразными способами стимулирует экспорт национальной продукции, предоставляя экспортерам разного рода льготы и поощрения, например налоговые скидки, бесплатное предоставление объектов инфраструктуры и т. д. И это делает страна, как мы знаем, с весьма высоким уровнем хозяйственного развития.

Более того, и сами наиболее развитые страны достаточно жестко регулируют международные экономические отношения и оговаривают возможность, например, вступления и работы в рамках ВТО разного рода условиями и требованиями, в том числе и политического характера. А ведь, по логике вещей, это в общем-то противоречит идеям экономического либерализма и свободы торговли. На практике же активно используют его наиболее развитые в экономическом отношении страны, выступая на словах против экономической деятельности государства для достижения своих целей и обеспечения своих интересов. Поэтому вполне понятна озабоченность правительств и народов стран, не относящихся к «золотому миллиарду», развитием процессов глобализации, при этом не только в экономической сфере.

И тут мы можем перейти ко второму обстоятельству, которое серьезно осложняет процесс глобализации. Это невосприятие народами многих стран глобализационных процессов, как правило, не только тормозящих развитие национальной экономики, но и отрицающих и разрушающих национальную культуру, обычаи, нравы, языки и национальный менталитет в целом. Все это превращает глобализацию скорее в тенденцию, нежели в непреодолимую закономерность.

И тем не менее, если в прошлом внутриэкономические отношения были первичными, а международные – вторичными, то ныне тенденция состоит в том, что они постепенно меняются местами. Если в прошлом национальные факторы в жизни народов играли ведущую роль, то теперь они подавляются и в значительной мере вытесняются интернациональными, подаваемыми в рамках либеральной идеологии как общечеловеческие ценности, освящаемые к тому же такими понятиями, как «демократия», «свобода личности», «права человека». Но свобода – это, прежде всего, свобода выбора, а не свобода навязывания чьих-то идей и ценностей, не свобода насилия. Однако в сознание людей настойчиво внедряется мысль, что только либеральная экономическая политика, для любой без исключения страны, способна обеспечить экономическое процветание.

Так, например, в апреле 2004 г. в Москве и Санкт-Петербурге прошла научная конференция на тему «Либеральная программа для нового века: глобальная перспектива», организованная Институтом Катона (Cato Institute – Вашингтон), Российским Институтом экономического анализа, который возглавляет А. Илларионов, и Российским Союзом промышленников и предпринимателей. В организации петербургской части конференции принимал участие Международный центр социально-экономических исследований – «Леонтьевский центр», работающий в Санкт-Петербурге.

Институт Катона одной из основных своих функций считает разработку и распространение по всему миру либеральной экономической идеологии, за которой видится прежде всего неограниченная свобода рынка. Скажем, доклад научного сотрудника Американского института предпринимательства Чарльза Мюррея назывался в этом смысле весьма красноречиво – «Laissez faire капитализм, ограничение функций правительства и стремление к счастью». Созвучно этому прозвучал и доклад А. Илларионова «Глобальная поступь экономической свободы». В нем с незначительными комментариями было представлено большое количество диаграмм, отражающих динамику экономического развития различных стран, в которых советник Президента России стремился показать, что те страны, которые за последние 50 и даже 100 лет проводили либеральную экономическую политику, добились процветания. Те же, что допускали в экономику государство, значительно отстали от них или и вовсе зашли в экономический тупик. Никакие другие факторы экономического роста или регресса им не рассматривались в принципе. Такой односторонний, однофакторный анализ проблем экономического развития никак нельзя признать научным. Что же касается экономических функций государства, то А. Илларионов повторил суждения, высказанные на этот счет еще Адамом Смитом, – защита общества от посягательств извне, защита граждан от внутренних угроз, отправление правосудия и, наконец, создание и содержание общественных учреждений, которые не приносят прибыли отдельным лицам. Все-таки странно, что совершенно не учитывается то обстоятельство, что А. Смит жил в эпоху мануфактурного капитализма, издал свой труд в 1776 г. и исследование строил на основе состояния прежде всего английской экономики, которая уже тогда отличалась весьма высоким уровнем развития по сравнению с остальными странами Европы, а до того активно использовала в своих внешнеэкономических взаимоотношениях политику протекционизма, что во многом и обеспечило ее экономический прогресс.

Совершенно не учитываются мнения и суждения по этому поводу наиболее приемлемых для России вариантов экономической политики и современных отечественных ученых, и ученых прошлого, например Н. С. Мордвинова или, скажем, С. Ю. Витте, который со знанием дела критиковал представления классической школы за ее космополитизм и не принимал тотального либерализма во внешнеэкономической жизни страны. Он выступал, исходя из реальностей России, за умеренный, или «воспитывающий», протекционизм.

Наконец, надо иметь в виду, что многие современные и весьма авторитетные западные специалисты в области экономики отрицательно относятся к идее свободного рынка. Вот что пишет, например, в своей Нобелевской лекции Джозеф Стиглиц: «Предполагалось, что в целом мы можем рассчитывать на рынки без государственного вмешательства. В лучшем случае государству отводилась ограниченная роль. Ряд идей, которые я представляю здесь, противоречат теории Смита и вытекающему из нее пониманию роли государства. Все они предполагают, что рука может быть невидимой лишь по той причине, что ее просто не существует, или, по крайней мере, если она есть, то дрожит».⁴

Вспомним другого современного авторитетного ученого и деятеля – Джорджа Сороса. Может показаться просто странным, что этот финансовый магнат, обзаванный своим богатством играм на международных финансовых рынках, в книге «Кризис мирового капитализма» в качестве основной причины неустойчивости и непредсказуемости современной капиталистической экономики называет «рыночный фундаментализм». Этот термин, который вводит в оборот Дж. Сорос, соответствует принципу «Laissez faire» так, как его понимали классики французской классической школы, и «невидимой руке» А. Смита, за которыми стоят вера во всецело регулирующую роль рынка в экономическом развитии общества и отрицание регулирующих функций общества и государства. Дж. Сорос пишет, что «именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового

капитализма ненадежной» и что он «представляет большую опасность для современного общества и его судеб».⁵

Карл Полаanyi в книге «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени», которая хорошо известна нашему читателю, также пишет о разрушительных последствиях слепой игры рынка и показывает, что банальных формул либерализма вроде «всеобщий мир через мировую торговлю» уже давно недостаточно.

Примеров такого рода авторитетных суждений можно приводить еще довольно много.

Однако вернемся к проблеме глобализации и укажем на то, что, по мнению многих ученых, в том числе и западных, существует реальная перспектива того, что со временем национальное будет вытеснено интернациональным, а оно может быть только чем-то стандартизованным, упрощенным и даже примитивным. И эту динамику мы уже наблюдаем в виде широкого распространения так называемой поп-культуры – бездуховной в своей основе, асоциальной и аполитичной, не имеющей каких-либо определенных национальных корней. Основной «поставщик» этой культуры – США. Но США – это не национальное государство. Это страна, где нет системообразующего этноса. Сегодня глобализация в области культуры и искусства принимает форму американизации. Вот против нее-то и выступают многие представители национальных культур, ученые и широкие слои простых людей. Им претит такое «одноклеточное» существование, которое грозит народам в будущем. В массе своей эти люди еще не лишились своих национальных черт, и такие понятия, как «Родина», «Родной язык», «Национальная История и Культура», для них не являются пустым звуком или анахронизмом.

Теперь обратимся к вопросу о том, как соотносится концепция глобализации с традиционными концепциями исторического развития человечества. И сразу скажем, что она вполне укладывается в рамки **концепций всемирно-исторического пути развития**, в соответствии с которыми история человечества представляет собой целостный процесс развития. Эти представления зародились как минимум в Средние века. Скажем, христианской мысли издавна присуще понимание истории как в высшей степени единого процесса, что, впрочем, вполне объяснимо, ибо каждая религия претендует на исключительную истинность и универсальность, почти каждая из них утверждает, что Бог един, а потому един и путь всех людей на Земле.

Наука также утверждает, что, поскольку существует всемирная история, постольку действуют общие закономерности исторического процесса. При этом историческое развитие носит прогрессивно-поступательный характер. Именно в рамках данного рода концепций разрабатываются схемы исторического развития, создаются глобальные исторические конструкции и предлагаются детальные идеалы будущего. К концепциям такого рода вполне может быть отнесена и марксистская теория формационного членения истории человечества, в соответствии с которой все народы и страны должны пройти один и тот же путь – от первобытно-общинного строя до коммунизма и далее. В концепции глобализации заложена, таким образом, идея **мейнстрима** – магистрального пути, аналогичная в данном случае возникшей еще в эпоху Возрождения идее **европоцентризма**. Смысл в данном случае в том, что есть классический образец – Европа с ее историей и всеми основными нормами жизни, а все остальное – только отклонение от нормы.

Однако, как мы знаем, концепции всемирно-исторического пути развития человеческого сообщества воспринимаются далеко не всеми учеными как прошлого, так и настоящего. Наряду с ними существует **группа концепций локально-исторического развития**, которые строятся на идее «локальных цивилизаций». В данном случае акцент делается на особенностях развития той или иной цивилизации. Представители локально-исторического подхода исходят из того, что в истории нет смысла, который может быть однозначно понят, и детальные глобальные прогнозы будущего нереальны. Такая группа

концепций появилась позднее – примерно в середине XIX в. и во многом связана с именами таких русских мыслителей, как Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев. В Западной Европе идеи локально-исторического развития разрабатывались Ф. Ницше, О. Шпенглером, А. Д. Тойнби. В основе подходов этих ученых лежали концепции «философии жизни» и «критики исторического разума», согласно которым исторический процесс базируется на биологической модели. Это означает, что отдельные культуры или «локальные цивилизации» совершают своеобразный круговорот, проходя стадии рождения, роста, расцвета и гибели.

В связи с осмыслением проблем глобализации большой интерес представляют идеи нашего великого соотечественника Николая Яковлевича Данилевского, опубликованные в его классической работе «Россия и Европа». Он был категорически против утверждения, что европейская цивилизация является единственной и общечеловеческой, определяющей универсально-единообразное развитие всех наций и народностей и не признающей объективную возможность существования национальных культур у различных народов. Он писал: «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота».⁶ На основе глубокого исследования истории России и народов Европы он пришел к выводу, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития». Н. Я. Данилевскому удалось показать огромное многообразие человечества, проявляющееся в особенностях культурно-исторического облика народов и цивилизаций. Что же понимал Данилевский под цивилизацией? Он говорил, что это «понятие более широкое, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает».⁷ Типов цивилизаций много, и развиваются они по собственным законам, а потому их слияние невозможно. Это, видимо, означает, что мы не можем ограничиваться, рассуждая о проблемах цивилизации, выделением только двух вышеназванных типов – европейского и традиционных. Более того, Н. Я. Данилевский был твердо убежден в том, что «цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому» и невозможно ее насильственное насаждение, ибо в таком случае «следовало бы народы и государства лишать силы противодействия, т. е. политической самобытности (хотя бы то было посредством пушек или опиума, – как говорится: не моем, так катаньем), дабы обратить их со временем в подчиненный... элемент, мягкий, как воск и глина, и принимающий без сопротивления все формы, которые ему заблагорассудится дать».⁸

Возможность абсолютной унификации культурных норм и традиций отрицает ныне и такой известный ученый, как С. Хантингтон, – директор Института стратегических исследований Гарвардского университета и председатель Гарвардской академии международных и региональных исследований. Он считает, что для мировой цивилизации нет реальных культурных предпосылок.

И жизнь подтверждает скорее именно эти представления. Во всяком случае, пока мы можем говорить о глобализации как о реальном явлении в основном в локальных масштабах и, прежде всего, в экономической области. Уже сегодня можно выделить ряд своеобразных центров притяжения сходных по цивилизационным признакам стран. Это европейские страны, объединившиеся в союз, латиноамериканские страны, Китай, Индия и тяготеющие к ним страны и, конечно, Россия.

Несмотря на это, многие современные авторы крайне негативно оценивают последствия глобализационных процессов. Наглядным примером тому может служить книга двух немецких авторов – Ганса-Питера Мартина и Харальда Шуманна с весьма символическим названием – «Западная глобализация. Атака на процветание и демократию». Рассмотрев различные аспекты интернационализации экономической жизни современного

общества, они пришли к следующему выводу: «Можно без труда показать, как нарастающее международное разделение труда помогает повышать производительность мировой экономики. Интеграция мирового рынка экономически очень эффективна. Но при невмешательстве государства глобальная экономическая машина абсолютно неэффективна в распределении производимого таким образом богатства: число проигравших намного превосходит число выигравших».⁹ Генри Киссенджер также предупреждает: «Глобализация... может привести к нарастанию гнетущего ощущения бессилия, поскольку решения, влияющие на судьбы миллионов, выходят из-под контроля национальных властей. Возникает опасность того, что современные политики Запада могут не совладать с изощренным характером экономики и технологии».¹⁰

Итак, какой же можно подвести итог? Он может быть подобен тому выводу, который когда-то был сделан чилийскими учеными в связи с вопросом Пиночета о грядущей перспективе развития чилийской экономики. Они сказали, что не могут ответить на этот вопрос. И тем не менее представляется, что человечество никогда не придет к полному единообразию в нормах культуры, поведения, нравов и обычаев хотя бы потому, что для этого оно должно проживать в одной и той же географической зоне, заниматься примерно одним и тем же родом деятельности, иметь примерно одинаковый уровень интеллекта и образования, говорить на одном и том же языке. Как сказал Редьярд Киплинг, много лет проживший в Индии, «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не бывать».

Поэтому глобализация хотя и развивается, но будет проявляться прежде всего в экономической жизни человечества, и в целом ее можно рассматривать скорее как тенденцию, нежели непреодолимую закономерность, тем более что и в области экономики она приводит ко многим негативным последствиям для народов даже высокоразвитых стран, не говоря уже об остальных государствах, которых большинство. Как долго они будут мириться с этими последствиями – покажет время.

¹ Б о у з Д. Либертарианство. История, принципы, политика. Челябинск, 2004. С. 2.

² См.: М а р т и н Г.-П., Ш у м а н н Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 116.

³ Там же. С. 137.

⁴ С т и г л и ц Д. ж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Экономический вестник. 2003. Вып. 3. № 3. С. 337.

⁵ С о р о с Д. ж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. XVII, XIX.

⁶ Д а н и л е в с к и й Н. Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 148.

⁷ Там же. С. 153.

⁸ Там же. С. 122, 123.

⁹ М а р т и н Г.-П., Ш у м а н н Х. Указ. соч. С. 303.

¹⁰ К и с с е н д ж е р Г. Нужна ли Америке внешняя политика? // К дипломатии для XIX века. М., 2002. С. 9.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2005 г.